- Ну вот, - Емельян выдохнул, осматривая место побоища: - Еще пятерых отправили домой.

Мертвые тела очередной группы, оказавшейся на пути, лежали в потоптанной траве, окрасившейся кровью, уже принявшейся впитываться в землю. На этот раз нам пришлось убрать трех магов с целителем и латником.

Может, они просто шли группой для прокачки или добычи, спрашивать не стал, но оставить их было чревато. Сейчас жалость и миролюбие на этой территории проявлять нельзя, ибо оставленные в живых могут ударить в спину или же направят по следам группу ликвидации. Хотя, они и так направят, но для начала придется воскреснуть, а это уже время, после указать на карте, где именно убили, описать и другие проволочки, а это еще чуть больше времени. И уже кто знает, куда мы побежали? Но третья убитая группа за последних пару часов может указать некоторое направление.

- Князь, чего застыл? Что делаем?

- В путь, - отзываюсь, и следую за остальными.

Предыдущие группы также не ждали нашего появления, и скорее всего, оказались перед нами по случайности, но… я редко в играх нападал на других игроков, не считая это развлечением, за исключением осад или войн кланов. Но не сейчас, нет, именно я напал, не ради адреналина, но по необходимости. Кажется, я уже повторяюсь, хм, да, в голове так и крутятся по кругу одни и те же мысли, а тело сцеплено чувством укора. Странно, видимо, я не воспринимаю чью-либо гибель, как игровой момент, принимая на себя тяжесть убийства. Значит, не все так просто для меня, не все так просто для всего мира.

- Разруби, Перуне, ковы тяжкие. Разгони, Перуне, силы вражеские, - голос Хранителя вновь выбил меня из оков самобичевания: - Оберег, Перуне, коло посолонь, да воздай, Перуне, врагу в достали! Гой!

- Ушли? – задаю вопрос больше себе, нежели ожидая ответа от кого-то.

- Нет еще, - отозвался старец, прервавшись: - Кряж преодолеем, а там по широкому полю до ничейных земель к ночи добежим.

- Не устал никто?

- Силы есть, - ответил Емельян: - Водица помогает, доберемся, коль еще кого не встретим. А-а, тьфу, - Емеля сплюнул, обратив внимание на вдруг зарычавшего Мрака: - Кажись, накаркал, тьфу ты!

Волк смотрел в сторону надвигающейся черной тучи грозового фронта, где мерцали молнии, и отдаленно гуляли раскаты грома.

- Именем Сварога-Отца, Небесного Кузнеца, Именем Даждьбога, Трисветлого Солнца, Именем Перуна Громовержца! – старец вдруг вознес к небесам свои руки, принявшись громогласно голосить: - Ты, Сварог, борони Правду от Кривды! Ты, Даждьбог, борони день от ночи! Ты, Перун, борони Явь от Нави! Силою Огня Небесного, Силою Огня меж Небом и Землю, Силою Огня Земного - заклинаю! Да сгорят чары темные, Да сгорят наузы кощные, Да сгорят присухи Навии В Черном Огне Пекельном! Небо - ключ, Земля - замок! Да будет так, как речено! Гой!

Небеса как будто бы отозвались одновременным гулким раскатом грома на небе, подул сильный ветер, и от гор оторвались тяжелые белые исполины облаков, грузно двинувшиеся в сторону грозы.

- Идти надо, - произнес Хранитель: - Времени не много! Мирские силы сходятся в Первой Битве за долгие тысячелетия, и не стоит быть в центре побоища в этот момент!

- Идем! – мы двинулись следом за ускорившимся не по годам старцем: - Отче, а разве Даждьбог присутствует здесь?

- А разве нет? – голос старца был удивленным.

- Так вроде бы…

- Запомни, - взгляд внезапно обернувшегося Хранителя пронзил насквозь, впиваясь в саму суть и заставляя замереть: - И другим передай. Белобоги были, есть и будут, покуда их дети живут и здравствуют. И каждый из них есть сама суть мира, пусть не материализовавшаяся, не воплощенная, но живая. И коли люд возжаждет пробуждения бога, тот явит себя, нужно лишь истинно отдать суть свою, да приложить силу свою, ибо не можно богу пробивать Устои Мироздания, аки молотом по игольному ушку. Аки люд ищет блага от деяний божественных, так и боги ищут блага от деяний людских. Пока есть боги, есть люди, пока есть люди, есть боги. Теперича ведаешь сие?

- Ведаю, - благостная сила хлынула сверху, проникая сквозь тело, отторгающее ее, но суть принялась впитывать, испивая каждой частицей.

Мириады внутренних вселенных, вмещающихся внутри меня, рождались, испуская силу новой жизни. Бесчисленные миры в Бесконечности Мироздания отозвались своим сиянием, пробившимся сквозь голубизну дневного мира.

И я ощутил обращенные к новорожденному миру интересующиеся взоры тех, кого мы привыкли именовать богами. Нет, не их самих, но сущностей, рассеянных среди безликой пустоты Вселенной. Они ищут капли той силы, что даруют им смертные, обращаясь с молитвами, называя их имена, вспоминая их деяния.

Эти капли, наполненные ничтожной частицей веры смертного разумного, позволят просуществовать еще какое-то время в надежде. Что все же, пусть через тысячи лет, пусть

через тысячи миров, но вспомнят о них, построят в их честь храмы и обратят свои молитвы, и тогда, и тогда, и тогда…

- Сергей, - тяжелая рука Емели легла мне на плечо: - Ты с нами?

- А? – открываю глаза, возвращаясь в это тело: - Что?

- Спрашиваю, живой?

- Живой.

- Это хорошо, а то статую тут изображать решил, чуть ли не окаменел.

- Чего?

- Не чего, а идем?

Земля внезапно вспучилась под ногами, зашатавшись, как будто бы оказался на хрупком льду, не выдержавшим веса. Одновременно просвистели стрелы, не попавшие лишь только потому, что сместившийся под ногами пласт принудил меня пригнуться. Ноги угодили в разверзнувшиеся щели меж пластов, застревая по щиколотки и лишая возможности отпрыгнуть без лишней возни.

Емельян среагировал быстрее, бросаясь вперед к Хранителю и прикрываясь осадным щитом, звоном стального листа встречая ударившие в него стрелы. Пригибаясь над старцем, он заслонил того своим защищенным телом, принимая на себя падающие с небес роящиеся стрелы, не способные пробить щит напрямую.

Мрак прыгнул в ближайшие заросли, исчезая в молодой поросли, но я знал, что волк ушел из-под обстрела не из-за трусости, и вскоре он даст нам мгновения, за которые мы должны будем успеть, иначе вожак рискует погибнуть.

Ствол дерева рядом вдруг раскрылся подобно стеблю цветка и через мгновение то вспыхнуло, как соломка. Вспученная вокруг земля стремительно нагрелась, источая пар, трава вмиг выгорела, и округлая стигмата проступила сквозь породу, испуская жар пламени, обжигающего кожу. Я взревел, боль поднималась снизу-вверх, принуждая попытаться выдернуть ноги из полымя, но те сильно застряли меж вдруг сошедшихся земляных плит, от жара затвердевших, став как будто бы бетонными. Плоть держалась, лишь покрываясь волдырями, но боль приумножалась с каждым мгновением, пламя все сильнее разгоралось, поднимаясь все выше и выше, будто бы стремясь закрутиться в огненный смерч. Кости трещали, плоть разрывалась об острые грани, но несмотря ни на какую боль, я раз за разом пытался вырваться из оков, истошно ревя, и мне уже не хотелось никого щадить, никому не давать второго шанса.

«Нет, никто вставший на моем пути более не имеет права на пощаду, нет, никто не получит возможности искупления! Я их буду истреблять, я их буду рвать руками, я их буду рвать клыками, вскрою им глотки и пущу кровь, вырву их сердца и раздавлю в своих руках! Ни жалости, ни пощады, ни сострадания к врагам моим!!!»

…Безликий призрачный силуэт стоял передо мной, и я ощущал пристальный взгляд ожидания. Вокруг нас полыхают три разных стены пламени, перемешивающиеся, но не сливающиеся воедино, оставаясь отдельным от остального. Кажется, полыхающая стихия поднимается до самых небес, недосягаемых моему взору, как и твердь, скрываемая мраком пропасти. Хочется оглядеться, осознать себя где-то, но призрак притягивает взгляд, принуждая глядеть сквозь него и будто бы задавая безмолвный вопрос…

- Именем Света, именем Рода, именем силы его! – голос Хранителя прорвался сквозь окружающий гул бушующего пламени: - Перун насылает благость на призывавших её. Силу и славу, твердость и ярость, даждь нам Перун в бою. Громом явленный, будь вдохновенным, волю яви свою. Именем Бога Седого Сварога воину силу даждь. Сыну и брату, другу и вою, волю свою яви. Ныне и присно и от круга до круга! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Тело вдруг окрепло, боль обгоревшей плоти стихла, навалившиеся камни стали казаться мягкими пуховыми подушками. Выгоревшая твердь поддалась усилию, высвобождая из оков, и я бросился навстречу летящим стрелам и огненным шарам, выдающим дерзнувших напасть из засады.

Бушующее вокруг пламя вгрызалось в плоть, покрывшуюся волдырями и местами принявшуюся подгорать и припекаться, но тело все равно слушалось, на время прекратив напоминать о себе, усмирив боль. Лишь ярость и злоба заполонили сознание, переставшее реагировать на окружающий мир. Пронзающие запекшуюся плоть столы не лишали переполняющее негодование, жаждущее добраться до проявившиеся алые пятна сквозь резко посеревший мир.

«Десять, всего лишь десять. Почти рядом друг с другом, внутри каждого бурлит сила, текущая по жилам их тел, их ауры сияют подобно свету костра в кромешной ночи. Никто не сможет спрятаться от меня, не убежит, каждого найду. И разорву эти жилы, испою силу их аур и навсегда сотру из этого мира».

Двуручный меч загудел, набирая силу инерции, разжигающей объявшее его пламя войны, широкая крепко держит орудие палача когтистыми пальцами, собственный рост и масса позволяют вращать полутораметровое лезвие одной рукой будто бы в ней короткий одноручный меч. Мелкие алые точки, летящие навстречу, встречаются вращающимся лезвием, резкие броски в сторону спасают от вспыхивающих молний и вырывающихся передо мной огненных фонтанов. Прыжком преодолеваю внезапно поднявшуюся передо мной земляную стену, чуть не угодив с разбега в разверзнувшеюся перед ней пропасть.

Резкая боль в боку принудила обернуться, чтобы различить лишь слабую тень ауры, мелькнувшей позади и куда-то исчезнувшей. Я в переполняющей злобе крутанулся вокруг, пытаясь попасть в незримого врага, но лезвие лишь проревело, исторгая языки пламени и

рассекая воздух. Мгновение, и вновь вспышка боли, теперь в спине, и что-то, кажется, осталось в ней, погрузившись в мое тело. За ними еще несколько вспышек, но это лишь породило большую ярость, в край выплеснувшую из меня, со слепотой собственного разума, бросившегося прямо на встречу собственной погибели.

На опушке небольшого пролеска, раскинувшегося на вершине обрывистого холма вдруг раздался взрыв, ударная волна разметала деревья на вершине, оголяя развороченное упавшим метеоритом место, объятое пожарищем, всепожирающее пламя вырвалось и понеслось во все стороны. Устоял, странно, но я устоял, хотя, вроде бы, не совсем. О прежних ранах можно не заботиться, ведь те исчезли полностью, зато на их местах появились обильно кровоточащие рваные раны, кое-где были вырванные целые куски, и я даже думать сейчас не пытаюсь по поводу того, как же все-таки я пока еще живой.

Важнее всего наконец достать этого злостного мага, продолжающего прятаться за спинами трех закованных в доспехи латников, выставивших плотной стеной щиты и ощетинившихся длинными копьями. Но я не бросился на них, подставляя себя под прямой удар, тело наклонилось в сторону, траектория бега сменила направление, и сквозь серость мира проступили алые пятна пытавшихся скрыться в уцелевших зарослях стрелков, одного из которых в этот момент достала более крупное пятно не алого, но багряного цвета.

«Еще один враг? Нет, он рвет на куски попавшегося первым, значит, это свой. Свой? Я что ли не один? Ах да, вроде бы, были со мной… волк, Мрак! Это он рвет стрелка, давая мне шанс. А где же остальные? Емеля? Старец?»

Взлетаю в прыжке над холмом, раскручивая смертоносный вихрь и краем взора замечаю, как старец, стоя за спиной закрывшегося от стрелков Емели, что-то говорит. Держатся, пока еще держатся, значит, надо поторопиться, ведь я и сам вскоре рухну, ведь предел есть всему.

Очередная каменная глыба, падая с небес, догнала меня на полпути к земле, но взрыва не произошло, как верно надеялся использовавший это заклинание маг. Лишь мощный удар сверху заставил резко отлететь в сторону, падая как раз туда, где стояли три стрелка, нет, четыре, одного Мрак как-то нашел среди ветвей раскидистого дерева и с прыжка стащил вниз, где принялся благодарить за полученные в бочину стрелы.

Широкое лезвие, набравшее силу инерции, становится подобным циркулярной пиле, мгновенно разрезающей все, что растет не там и не оттуда. Ветки и молодая поросль обильно посыпались на землю, загораясь от пламени. Первый стрелок не успел осознать, что произошло, как его левая рука улеглась на зеленый настил, продолжая сжимать лук. Мгновение шока, и остальные части тела кусками попадали вниз, вызывая внутреннее желание упасть на передние лапы и приняться пожирать свежее мясо. Тут же пробудился рвотный позыв, сдерживаемый лишь тем, что изувеченное тело использовало все имеющиеся ресурсы, дабы продержаться столь долго. Двое других не оказались настолько быстро соображающимися для боя и продолжали выискивать цели на выжженном пространстве. Через несколько мгновений, наверное, они осознали свою ошибку, когда пылающее лезвие принялось шинковать, помогая благодарить за сеанс акупунктуры. Резкий толчок в спину и раздавшийся крик позади заставили молниеносно обернуться, дабы атаковать того, кто решил вновь воткнуть в меня что-то короткое и острое.

Под мощными лапами Мрака, вгрызшегося в горло, перекусывая то, дергался обладатель нескольких десятков ножей, плотно прилегающих к телу за счет специальных ремешков и кармашков. Я хотел убить этого гада, но и так сойдет, впереди еще четверо, активно настаивающих, что их также надо бы послать домой.

Маг использовал весь свой арсенал, не ограничивающийся одной лишь стихий, может, из-за этого мощь его заклинаний была сильна, но не настолько, чтобы продавить незримый щит вокруг Емельяна и старца. Пламя бушевало, земля под ногами ходила ходуном, взметались земляные конусы, нависшая черная грозовая туча испускала молнии, бьющие прямо в сферу. Но ничего не помогало, вынуждая мага тратить все больше и больше маны и ждать, когда он вновь сможет послать разрушительный метеорит, на месте падения оставляющий лишь пылающий кратер.

Тяжелые латники встретили все тем же построением, длинные копья отлично прикрывали от ближнего боя, но не в этот раз. Слишком обширное пространство, слишком мало ратников, слишком я жажду вскрыть эти протухшие консервы.

Шаг, и серость мира окончательно застилает взор, ввергая в пустоту забытья…

Две стены облаков неслись друг на друга, стремясь добраться до противника, неправдоподобно грузные и плотные грозовые исполины мерцали изнутри десятками молний, освещающий свинцовые телеса шевелящихся масс. Кажется, будто бы это не облака, но живые существа, собравшиеся воедино подобно бесчисленной армии, выступившей против врага на раскидистом поле, где предстоит великое сражение. Раскаты грома, сливаясь, походят на гул от десятков походных барабанов, отбивающих такт боевого марша и воодушевляющих войско.

Два штормовых фронта, не желая уступать, направили свою мощь друг на друга, стремясь разорвать и поглотить соперника, и порождаемые смерчи с радостью терзали землю, вырывая многовековые деревья и вбирая в себя водные массы рек и озер. Ударившая в землю молния разожгла пожарище, тут же попавшее под один из смерчей, и тот с радостью принялся питаться пламенем, превращаясь в огненный столб, ликующе гудящий, хвастаясь перед своими собратьями, украсившими себя менее грозно.

Две массы с ревом врезались друг в друга, и мириады разноцветных молний замерцали меж ними, освещая утративший солнечный свет мир вспышками противостояния. Раскаты грома смешались в один протяжный грохот, пожирающий любой звук и уходящий за горизонты, возвращаясь с противоположной стороны и вновь смешиваясь с новыми раскатами.

Гигантская молния вдруг пронеслась меж двух противников, описывая границы противостояния, и, на мгновение ослепив, ударила прямо в меня…

Истерзанное ранами тело дернулось в едином спазме, сознание вернулось, взор прояснился.

«Боль вернулась, и я даже рад ей, потому как значит, что я все еще жив. А значит, надо вставать и идти, ведь враг передо мной, и он уже уверился в моей гибели, поэтому не стоит

долго держать его в неведении. Каждый должен жить в ведении, ибо неведение – путь во тьму, и не каждый может его себе осветить подобно мне. Хм, огонь повсюду, видимо, маг решил-таки довершить начатое, что ж, удивлю его. Надеюсь, он не впечатлительный».

***

Когда все-таки одна из тварей упала, не добежав десятка метров до оставшихся, те сразу же приободрились, ведь наконец-то они победили этого неправильного выродка, которого сложнее бить, чем рейдового монстра, которого они каждую неделю фармили в пещере, спрятанной среди бурелома на северном склоне.

Маг сразу же наложил заклятие полымя на место, где валялось тело, не зная, отчего, но сделал именно так и сразу же переключился на оставшуюся странную парочку из второго выродка и какого-то дедка, прячущегося за бронированным телом твари. Был еще волк, но тот скрывался где-то в зарослях, и выискивать его было бы чревато, ведь та зверюга завалила на пару с выродком шестерых. А сейчас надо было довершить начатое, снять весь дроп и опыт на оставшихся в живых и лететь праздновать в кабак, хвастаясь присутствующим, что именно их десяток завалил тех монстров, которые устроили переполох, запустив какое-то событие. Или же это просто так совпало, не важно, главное, что они смогут хвастаться перед бригадой кремлевских, подначивая тех за их криворукость при наличии крутого шмота.

- Банк, - скомандовал маг: - Переходи на дамаг, Джонни и Арте подержат этого.

- Да просадил бы сначала их щит, - возразил Банк: - Легче бы было с магией.

- Я же не антимаг, сразу просадить не получается, вон сколько банок уже спалил, а щит так и держится. Берем физикой, я пока волка постерегу, чтобы не выскочил со спины.

- Оки, - отозвался Банк, убирая щит с копьем и доставая двуручник.

- А чего не алебардой? – поинтересовался Арте.

- Да ну ее! Тугая, пока размахнусь!

- Нуб, - ухмыльнулся Джонни: - Аут, давай я! Я своим молотом этих быстро сомну.

- Нет, ты танкуешь лучше, пускай Банк, заодно посмотрим, как он с мечом справляется, а то только хвастовство от него слышали.

- А ну да, тогда ладно, поглядим: - улыбнулся Арте, наблюдая, как Банк встает в боевую стойку перед выродком, выставившим щит размером с дверь: - Сейчас будет шоу.

- Ага, - ухмыльнулся Джонни, расходясь с Арте в разные стороны по краям от избранного дамагера и по совместительству приманки.

Банк, издав нечто похожее на крик отчаяния, бросился прямо на щит, пытаясь ударить с размаха. Стальной заслон со звоном встретил удар лезвием, слабая насечка появилась на поверхности. И в следующее мгновение Банку пришлось отпрыгивать в сторону, спасаясь от ответного короткого удара одноручным, но непропорционально длинным мечом выродка. Позади раздался дружный смех, от чего на лицо дамагера скривилось в презрении, и он вновь бросился на амбразуру, сопровождая атаку криком. Лезвие гудело, звенело и выбивало искры, но не достигало цели, встречая на своем пути заслон щита, от этого Банк еще больше психовал, а его друзья сильнее смеялись.

- Ну ладно, - подавляя собственный смех, произнес Аут: - Повеселились и хватит, атакуем.

Арте и Джонни одновременно достали тяжелые двуручные молоты, идеально подходящие в битве против тяжелого латника со щитом. Друзья переглянулись и шагнули вперед, обходя с флангов и наблюдая, как присевший на землю за спиной выродка старичок что-то заваривал в откуда-то появившимся у него кипятке, при этом говоря что-то себе под нос. Несколько шагов к напрягшемуся выродку, и старичок вдруг вскочил, ухмыльнувшись.

- Повеселились и хватит, - громко произнес старик, довольно улыбаясь: - Именем Правды, Именем Яви, Именем Белых Богов! Я призываю силу сияний тысяч славных веков! Именем Рода! Именем Света! Волю свою я твержу, Солнце Ярило, Перун Громовержец, силу явите свою!

Раскатистый оглушающий гром вдруг донесся от горизонта, перемешиваясь в единую канонаду, на небе засверкали сотни молний, переплетающиеся в небесную паутину. Небеса в миг померкли и озарились сиянием молний, сходящихся в центре небосклона, порождая оглушительный громовой раскат, не заглушающий лишь голос старца.

- Сварог Наставник, огонь разожги же в печи, покуда дремлют сыны, Матушка наша, Землица Живая, жизнь полных сил возврати!

Ослепительная молния вдруг низринулась с небес и ударила в стороне от оцепеневших, вонзаясь в землю посреди полыхающего пожарища. Пожарище тут же усилилось, но пламя вдруг стало иным, поглощая прежнее. Тень встала посреди бушующей стихии, расправляя плечи и опустив рогатую голову, взирая на собственные руки. Мгновения лишь пламя издавало звук шелестения, после чего округу наполнили звуки ворвавшегося в нее мира. Тень шагнула из пожарища, сопровождаемая раскатами грома, молнии сверкали, ударяя в разных местах с небес. На небосклоне чернели шевелящиеся в безудержном танце черные грозовые облака, от которых вниз спускалась темная пелена проливного дождя, предрекающего скорое наводнение на некоторых территориях предгорья и низменностей.

Изувеченный, казалось бы, поверженный выродок вышел из пожарища, держа в руке свой двуручный меч, но пламя не пожирало его местами обуглившееся выгоревшее тело,

обнажившее кое-где кости и сухожилия. Плотное черное пламя, перемешиваясь с алыми всполохами, обнимало выродка, передаваясь на его меч, и тот, не обращая внимания на собственные раны, медленно шел к остолбеневшим воинам.

Именно сейчас надо было бы напасть, ударить всеми силами, но те медлили, лишь Банк продолжал атаковать защищавшего старика выродка, не обращая ни на что внимания и бесконечно выкрикивая ругательства, будто бы пытаясь что-то доказать на словах.

Раны медленно затягивались, оставляя глубокие рубцы на теле, но руки не заживали, хотя и были испещрены пылающими изнутри сосудами, проступившими сквозь кожу и мышцы наружу. Почерневшая плоть не отторгалась, не гноилась, лишь затвердев и покрывшись коркой, но застывшие смотрели не на них, а на приоткрытую пасть монстра, из которой вырывались языки алого пламени.

***

«Не я шел с войной, но мне ее завершать. Не я первым поднял меч, но мне его опустить последним. И познают все те, кто решил пойти против меня, что такое, когда идут на Вы!»

Бросок вперед, и лезвие меча с ревом рассекает воздух, ударяя в выставленный перед ним молот, глаза врага глядят прямо в мои, но в них мерцают отблески страха. Отскок назад с заносом меча для кругового удара, злобный оскал для большего нагнетания страха и резкий бросок навстречу к двоим вставшим на пути к ошеломленному магу, что-то пытающемуся скастовать. Лезвие вновь загудело, дуга пламени разрослась, отрываясь и уходя огненной волной передо мной, устремляясь к вставшим стеной за щитами латникам. Зря, очень зря, волна ударила растекающимся по стали племенем, тяжелые языки упали к ногам, вгрызаясь в притоптанную поросль и добираясь до кожи сапог. Щиты слегка оплавились, принимая на себя силу порождаемой кипящей кровью стихии, не знающей преград, покуда породивший ее жив.

Магия крови беспощадна как к тем, кто встал на ее пути, так и тем, кто ее использовал, но я об этом не думаю, я никогда об этом не думал, ходя на грани, танцуя на лезвии у самого края пропасти. Ибо, когда начинаешь задумываться о последствиях, то сомнения обуревают твой разум, и после остается лишь одно – сдаться.

Огненный вихрь обрел силу разрушения, черно-алое пламя нашло пищу, вырвавшись из оков бытия, а я обрел себя, не полностью, но более чем, и я знаю: почему, куда и зачем мне надо идти, ведь я князь, и имя мое Огнеслав, как нарекли меня, я помню свою суть, но пока еще не вспомнил тех, кто нарек меня Огнеславом, где они, почему я должен жить, и для чего нам надо спешить именно в Новоград. Но я вспомню, позже я вспомню все, а пока нужно окончательно отблагодарить новых друзей, помогших мне вспомнить себя. Точнее, остался лишь маг, ведь защищавшие его латники пали: один от меня, второго загрыз вовремя выскочивший Мрак, а третьего втоптал в землю Емельян, не забыв при этом попрыгать для большей уверенности. Лишь маг отчего-то продолжал осыпать заклинаниями Хранителя, продолжавшего бормотать что-то, испивая горячего отвара и щурясь, когда силовой заслон слегка мерцал при тяжелых ударах мощных заклинаний.

- Кто к нам с мечом придет, - громко произнес я, обращаясь к ополоумевшему магу, глядящему на меня, но кастующему на старца: - Тот от меча и погибнет! Запомни это и другим передай! Не идите за нами, если хотите жить, иначе я приду за вами, найду в ваших домах, и тогда вы поймете, что не стоит переходить дорогу Огнеславу!

Тонкое тело, облаченное в тряпки, быстро поддалось острому лезвию, разделяясь на несколько частей и падая в посмертное пожарище. А в утративших жизнь глазах остался лишь ужас до тех пор, пока пламя не пожрало и их.

- Сергей, - раздался голос Емельяна: - Ты как?

- Снова живой, - отвечаю, глядя на догорающие останки врагов: - Я видел…

- То, что ты видел, - прервал старец: - То твое и открылось тебе не за зря.

- Спасибо, отче.

- За что?

- За все, без вас…

- Это я бы без вас, вам спасибо большое, - старец улыбнулся: - Благодарю, ибо если бы не вы, так бы и остался там…

- Все мы друг другу обязаны, ладно, надо бежать, сомневаюсь, что нас оставят в покое.

- Сергей, тут один наш знакомец меч выронил, и тот не пропал, возьмешь?

- Меч? У меня же есть двуручный.

- Будет два, - Емеля улыбнулся: - Ты с одним вон как управлялся, токмо нынче тебе маловат он, так что опробуй два, глядишь, и выйдет чего.

- Хорошо, где он?

- Там, - Емеля с довольной улыбкой указал на небольшую ямку, где накануне он стоял, заслоняя старца: - Как раз рядом лежит.

Междуглавие

Зал для заседаний, несмотря на то, что был высечен буквально внутри монолитной породы глубоко под землей, содрогался раз за разом, когда до него доходили очередные отголоски бушующего на поверхности заклинания последнего довода, прозванного Армагеддоном за схожесть по эффекту и длительности действия с одноименным заклинанием высшего порядка, о котором так много было написано, но никто так и не увидел его в действии, ибо применение сулило уничтожение всего на территории, равной чуть ли не континенту. Хотя, вернее было бы его назвать как-то иначе, тем более аналогий у присутствующих вождей было предостаточно из собственного опыта.

Кое-кто из них даже лично видел тот самый упреждающий ядерный взрыв, по причине которого пришлось восстанавливать Сочи из-за ударившей в побережье волны. Да и Севастополь пострадал, но туркам и украинцам, пригласившим Четвертый Атлантический Тихоокеанский Флот США на постоянное дислоцирование с целью обеспечения мира и демократии на территории Украины и сопредельных государств. Они помнят, особенно, как после пришлось разгребать то дерьмо из-за паршивого капитана тактической подводной лодки К-112А, что самолично и отдал приказ о ликвидации флота врага после пересечения того границы государства и после того, как не смог связаться с командованием из-за внезапно исчезнувшей связи.

И это было бы правдой, если бы не вымыслом, а точнее, легендой для последних полномасштабных учений всей армии страны, после которых был получен безвозмездный транш от США при условии ликвидации последних боеспособных резервов ядерного сдерживания. Сумма была не маленькая, и каждый из присутствующих хорошо нагрелся, чуть отщипнув от нее. Да и сами США нагрелись не слабо, точнее их политики, убедившие в увеличении бюджета на военные расходы в пять раз, дабы таки завершить программу по окружению территории России, угрожающей всему миру, своими базами. Тогда их хвалили, кажется, тоже в последний раз.

А вот когда выдающиеся патриоты Единой России сунулись в эту игру, тут то и позвонили, вспомнив, что когда-то помогали оказаться там, где сейчас были эти известные политические деятели. Позвонили и пожурили, мол, что хотите у себя, то и творите, детей своих к нам отправляйте, пусть учатся и живут, а в игру не лезьте. Странно это звучало, так что присутствующие здесь согласно кивнули, а про себя послали, как полагается.

И вот, вложив немалые суммы, они стали в игре теми, кем стали, очередной раз подмяв под себя новую Москву, подняв ее в ранге и объявив Княжеством, и уже строили планы по расширению территорий, не смотря на мешающего выскочки из народа. Но устранить его было делом времени, благо, опыт уже имелся, а тут он вроде, как и сам устранился, что развязало руки в конец, и механика была запущена на полную, раскачивая маховик плавного и законного отъема власти…

- Долго еще? – пробурчал сидящий в кресле накаченный блондин.

- Что именно, позвольте узнать? – отозвался стоявший возле входа мужчина в костюме.

- Грохотать будет, что еще? – вновь тот буркнул, делая большой глоток из наполненного

коричневым напитком фужера.

- Длительность Армагеддона час, уже прошло тридцать минут.

- Хреново, - блондин сплюнул на пол: - У меня уже мигрень разыгралась.

- Да ландо вы, - также атлетичный брюнет с короткой бородкой улыбнулся: - Не так уж и достает, ну уж не больше, нежели ожидание в аэропорту.

- Ну вы и сравнили, - ухмыльнулся рыжеволосый юноша, до этого лежавший на кожаном диване: - В аэропорту так не грохочет даже в зале для быдла.

- Ой ли, а вы там были что ли?

- Был, еще в юности, в советское время. Так что знаю.

- Да хрен с ней с мигренью, убытков же сколько! – воскликнул блондин, залпом опорожняя фужер.

- Текущие потери составляют шестьсот восемьдесят девять тысяч пятьсот сорок девять идеалов, - отозвался человек в костюме.

- Нихрена себе! Это что, вся Москва что ли выжжена?!

- Девяносто два процента. Радиус охвата последнего довода не захватывает часть окраины.

- Да ладно вам, деньги дело наживное, главное, что не отдали Москву, иначе сейчас бы там этих выродков были бы тысячи, и как тогда нам их выгонять? А так и не отдали, и армию их выжгли.

- Тебе легко говорить! – вспылил блондин.

- Василий Яковлевович, - вмешался до этого молчавший единственный выбравший себе внешность мужчины в годах: - Прошу вас без фамильярностей и тыканий, мы все уважаемые люди, и нам не пристало выражаться подобным тоном. Я понимаю ваше беспокойство, потерять столь весомую сумму для всех нас тягостно, но помните, что все имущество было застраховано, и нам выплатят все сполна.

- Кто?

- Страховая корпорация Идеала.

- Не смешите меня! – блондин рассмеялся: - Мы послали их хозяев, и вы надеетесь, что они этого не заметят! Ха-ха!

- Господа, - в зал вошел латник в золотых доспехах.

- Генерал, вы вовремя, - улыбнулся седовласый: - Какие новости?

- Осада Детьми Хаоса снята, под наш удар попали триста тысяч с полтиной их тварей. По непроверенным пока данным не успели выбраться две тысячи Детей.

- Так это же почти все! – блондин вскочил: - Сейчас самое время ударить по ним!!!

- Не совсем, - перебил генерал, продолжив: - За время осады Дехов.

- Кого?

- Дехов, - ответил генерал: - Мы их так прозвали на манер Духов с Афгана или Чехов с Чеченской.

- Понятно, продолжайте.

- Так вот, этих Дехов насчитали порядка десяти тысяч.

- Откуда столько за короткое время?

- Выясняем.

- А что там с теми двумя выродками и стариком? – поинтересовался седовласый.

- На текущий момент находятся в ничейных землях по направлению к Североси.

- И что они там делают? Не уж-то добираются до нее самой? – блондин рассмеялся.

- По всей видимости да.

- И их никто не завалил до сих пор? Вам это странным не кажется?

- Кажется. На текущий момент ими ликвидировано семь групп. Пять из них были встречены по случайности, не готовые рейдеры, не ожидавшие тех.

- А другие две?

- Первая – это ваши…, - генерал занялся: - Первый инцидент с охотниками. Вторая состояла из разведывательного отряда, который почти справился, хотя и имел приказ только выследить и навести основные группы под командованием Лайта.

- И?

- Виновные уже наказаны, три группы Лайта преследуют выродков. На перехват брошены еще пять десятков, у границы ожидается подход Сволочей от Кирсанова.

- Для чего такие силы? Это всего лишь два моба и старик непонятный.

- Не совсем, - генерал выдержал паузу: - Тот самый выродок, что вырезал всех двуручным мечом, не имея доспехов, вдруг заговорил прежде, чем убить мага из рейдеров.

- И что он сказал?

- Дословно?

- Да.

- Он сказал: кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет. Запомни это и другим передай. Не идите за нами, если хотите жить, иначе я приду за вами, найду в ваших домах, и тогда вы поймете, что не стоит переходить дорогу Огнеславу.

- Кому? – все вскочили: - КОМУ ТЫ СКАЗАЛ?

- Огнеславу, - генерал повторил: - Огнеславу.

http://tl.rulate.ru/book/28868/1268859